

Конверсия образования и нетрадиционные образовательные структуры в университете*

Введение

В декабре 1999 года после осмотра европейской ежегодной выставки достижений в области информационных технологий (IST'99) автор этих строк, обмениваясь впечатлениями с коллегой, услышал фразу, которая характеризует довольно распространенное отношение к уровню и роли образования в нашем обществе. Коллега, как обычно, выразив восхищение зарубежными достижениями в области информационных технологий, добавил: «Да, конечно, технологии у них лучше, но зато образование у них убогое. Наше образование значительно серьезнее». Мой вопрос о том, как же они с плохим образованием создают такие замечательные технологии, остался без ответа. Однако мне просто попался скромный собеседник. В других подобных беседах я немедленно получал ответ следующего сорта: «Да там у них все делают наши соотечественники».

Как это ни удивительно, по мнению многих преподавателей вузов, система образования и сами преподаватели у нас отличные, но вот только жизнь в стране организована неправильно. При этом они полагают, что за состояние общества и государства должны отвечать не вузовские работники, а другие люди (кстати, в большинстве своем являющиеся выпускниками этих вузов). Они считают, что можно и дальше спокойно продолжать работу высших учебных заведений в том виде, как это делалось в советский период.

Так ли это? Нужно ли изменять нашу систему образования? Как это сделать, чтобы не разрушить то положительное, что действительно есть у нас? Какие организационные мероприятия и структуры могут обеспечить решение новых образовательных задач? В данной статье представлен один из фрагментов опыта Нижегородского университета в решении указанных вопросов.

Конверсия образования

Термин «конверсия промышленности» широко известен. Поскольку практически весь промышленный потенциал Советского Союза был директивно ориентирован на решение задач обслужива-

* Грудзинский А.О. Конверсия образования и нетрадиционные образовательные структуры в университете // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Инновации в образовании. 2000. Вып. 1. С. 41–51.

ния военной машины, при смене социально-экономических условий потребовалось преобразование (конверсия) индустрии в соответствии с принципами рыночной экономики. При всех спорах о содержании и конкретных путях конверсии, при некоторых негативных ассоциациях, возникающих в связи с отдельными неудачными примерами решения этой задачи, сама необходимость конверсии признается всеми, кто считает правильным путь перехода нашего общества к демократическому устройству и рыночной экономике.

Не так обстоит дело с образованием. Российское образование (и общее среднее, и профессиональное) в общественном мнении (особенно среди работников образования) часто рассматривается как «луч света в темном царстве», как некоторое абсолютное достижение всего предыдущего развития российского общества, достижение, которое ни в коем случае нельзя дать «разрушить». При этом с удивительной убежденностью в своей правоте многие люди рассматривают систему образования как нечто обособленное, не несущее никакой ответственности за то, что происходило и происходит в стране. Отношение этого многочисленного слоя (если не большинства) профессорско-преподавательского состава к тем попыткам преобразований, которые происходят в вузах, можно охарактеризовать рядом услышанных автором от уважаемых профессоров высказываний типа «раньше люди наукой занимались, а теперь все суэта: проекты, семинары, презентации» или еще резче – «торгаши захватили университеты» и т.п.

Следует отметить, что общественное мнение, по крайней мере в системе образования, в настоящее время играет определяющую роль. В силу сегодняшнего, в целом нормального демократического устройства российской образовательной системы, которая отдает инициативу развития вузам, а также в силу нехватки федеральных бюджетных средств, что не позволяет центральным органам управления в достаточной степени выполнять функции регулирования в интересах государства на основе экономических рычагов, мнение коллектива вуза о путях его развития имеет решающее значение. Поэтому, какую бы позицию ни занимали отдельные руководители, в том числе и самого высокого ранга, не следует ждать существенных изменений в системе образования до изменения отношения к существующей системе у большинства профессорско-преподавательского состава. Собственно, доказательства этого тезиса у всех на виду. При одном и том же министерстве, при одном и том же уровне бюджетного финансирования разные вузы живут по-разному. И объяснение этому только одно – наличие у одних желания работать в новых условиях, активность в использовании нетрадиционных методов работы у всего преподавательского состава вуза от ректора до

ассистента, и наличие у других желания бороться за сохранение устоев, во что бы то ни стало.

На чем основаны утверждения о превосходстве нашей высшей школы, из которых следует, что изменять в ней ничего не надо? Опыт многочисленных бесед на эту тему показывает, что в большинстве случаев все доказательства сводятся к выражению глубокого уважения к себе и некоторым своим коллегам, а также к собственному фрагментарному опыту знакомства с «примитивным» зарубежным образованием (или еще чаще к рассказам о нем побывавших за рубежом знакомых).

Тема качества образования очень удобна для бесконечных споров, ибо критерии качества не вполне ясны и сами по себе могут быть предметом дискуссии. Понятно, что оценить качество выпускника можно только через несколько (а часто через много) лет после окончания обучения. При этом желающий во что бы то ни стало доказать свою правоту может спорить, разъясняя, что дело не в университете, который окончила некоторая выдающаяся личность, а просто «она (личность) сама такая умная». Можно, напротив, привести ряд примеров, когда люди без систематического (например, вузовского) образования показывали выдающиеся результаты в самых разных областях человеческой деятельности. Особенно долго можно спорить, если не связывать систему образования с достижениями народа и государства в целом, игнорировать исторический подход к ее оценке, а судить о ней по некоторым промежуточным, второстепенным критериям.

Есть ряд наиболее часто употребляемых в дискуссиях аргументов в пользу абсолютного превосходства российской системы образования. Так, например, часто говорят о достижениях наших школьников и студентов на различных, в том числе международных, олимпиадах. Безусловно, победа на олимпиаде является некоторым содержательным критерием интеллектуального уровня студента и суммы его знаний в определенной области. Но жизнь ставит перед людьми задачи не в рафинированной олимпиадной формулировке. В качестве пояснения приведу запомнившийся мне из газетной публикации многолетней давности рассказ о тогда молодой звезде канадского хоккея Уэйне Гретски. Он приехал на стажировку в ЦСКА. Выяснилось, что если бы он пришел поступать в молодежную школу этого клуба, так сказать, «с улицы», то не был бы принят. Дело в том, что он не мог выполнить комплекс упражнений, считавшийся критерием хорошего хоккеиста, а именно: столько-то раз присесть на одной ноге, столько-то раз отжаться на пальцах и т.п. Он просто хорошо играл в хоккей.

Решение олимпиадных задач и создание передовой технологии, отвечающей требованию рынка, — это две разные работы. На полках наших магазинов что-то не видно товаров, разработанных российскими победителями олимпиад. А вот Билл Гейтс не побеждал на программистских олимпиадах, по той простой причине, что он в них не участвовал. У него со школьных лет было много по-настоящему серьезных дел. Кстати, к спорам о критериях качества классического вузовского образования, можно заметить, что все «программистское» образование Била Гейтса заключалось в 2 курсах юридического факультета. Программист и бизнесмен номер один в мире так и не окончил Гарвардский университет [1].

Тем, кто любит приводить победы на олимпиадах в качестве решающего критерия при оценке системы образования, хочется задать вопрос: ну а как с главной олимпиадой всех народов — Нобелевским конкурсом? Где тут плоды нашей замечательной системы образования, которая, как все ее патриоты признают, особенно сильна в области фундаментальных естественных наук? Готов услышать в ответ множество доказательств несправедливости Нобелевского комитета, включая указания на нечестные политические игры, и т.п. Наверное, как всегда, часть упреков в необъективности отбора справедлива. Но конкурс есть конкурс. В нем важны все компоненты борьбы. В той же мере могут быть признаны нечестными олимпиады любого сорта. Хочу только спросить — чья интегральная оценка важнее для суждения о системе образования целого государства? Решение конкурсной комиссии олимпиады студентов или решение Нобелевского комитета?

Есть еще один часто встречающийся аргумент, приводимый сторонниками незыблемости основ нашей образовательной системы. Мол, наши специалисты высоко ценятся за рубежом. Вон сколько их уехало, и какие замечательные результаты они показывают среди плохо образованных американцев и европейцев. (Кстати, в чем состоит «замечательность» этих результатов, обычно не разъясняется.)

Сразу надо сказать: уехало очень мало. Очень мало по сравнению с китайцами, корейцами, индийцами, пакистанцами, египтянами, иранцами и другими представителями наций, переживающих экономический рост, характеризуемый неравномерностью развития разных слоев населения. Возьмите список членов какого-нибудь международного научного общества. Вы обнаружите, что самая распространенная фамилия члена общества — это Ли, затем идет Ким, ну а потом разные индийские и арабские фамилии. Что это? Показатель прекрасной постановки высшего образования в многолюдной китайской провинции или занятом национальными проблемами ин-

дийском штате? Представляется, что дело совсем в другом. Один мой знакомый, кстати, русский, получивший недавно должность полного профессора механики в крупном британском университете, постоянно жалуется на то, что не может найти аспиранта-европейца (англичанина в том числе). Индусов, арабов – очередь стоит. А вот из Европы желающих нет. Причина этому проста. Работа университетского преподавателя, научного сотрудника не является в материальном плане привлекательной среди как европейцев, так и американцев. Эта деятельность трудна, а оплачивается существенно ниже, чем работа инженера в фирме, не говоря уже о работе адвоката или врача. В Великобритании, например, самую высокую заработную плату получают ветеринарные врачи. Англичане очень любят домашних животных.

Соответственно, в рыночном обществе, открытом для движения трудовых ресурсов, происходит замещение вакансий людьми из развивающихся стран, для которых зарплаты, низкие для европейца или американца, мягко говоря, вполне приемлемы. Российские ученые, преподаватели, а в последнее время и просто выпускники наших вузов наравне с представителями других стран с низким жизненным уровнем включились в этот процесс замещения низкооплачиваемых вакансий. К счастью, полученное ими образование позволяет конкурировать с китайцами. Заметим, что многие наши соотечественники, освоившись в новой обстановке, меняют университетскую работу на более высокооплачиваемую.

Можно, наверное, обсудить еще ряд подобных «аргументов» в пользу незыблемости принципов российской системы образования, сложившихся в советский период. Однако, по моему мнению, есть только один главный довод, причем в пользу того, что эти принципы нужно срочно менять. Этот довод основан на историческом, комплексном подходе к оценке российской системы образования.

В качестве иллюстрации приведу следующую простую цепочку рассуждений. Возьмем какой-нибудь широко известный продукт российской индустрии. Например, легковой автомобиль «Волга». Серийный выпуск этого автомобиля есть результат труда большого количества специалистов разного профиля: ученых, инженеров, менеджеров. К сожалению, широко известно, что «Волга» неконкурентоспособна на мировом рынке ни по одному из важнейших критериев. Вопрос: можно ли утверждать, что коллектив ученых, инженеров, менеджеров, разработавших серийную «Волгу», столь же квалифицирован, как и аналогичный коллектив, разработавший «Мерседес», «БМВ», «Рено», «Форд»? Если мы соглашаемся с тем, что коллектив разработчиков «Волги» менее квалифицирован, то следует согласиться и с тем, что коллектив «производителей» этих

специалистов, т.е. профессорско-преподавательский состав российских вузов, также менее квалифицирован, чем их западные коллеги.

Представляется, что единственным объективным интегральным критерием уровня образования общества является место этого общества на ступенях лестницы прогресса. Если мы признаем, что технологии и индустрия, допустим, США стоят выше на этой лестнице, чем российские технология и индустрия, то мы неизбежно должны признать, что и американская система образования в этой сфере в целом превосходит российскую. А значит, если мы хотим усовершенствовать свое хозяйство, то конверсии должна быть подвергнута не только промышленность, но и ее интеллектуальная база – наука и образование.

Термин «конверсия» в узком смысле часто понимается как переход предприятия от производства продукции военного назначения к производству товаров для гражданского потребителя. Можно ли и в этом узком смысле говорить о конверсии образования? Представляется, что такая постановка вопроса также вполне справедлива.

В настоящее время все чаще выражается понимание того факта (см., например, [2]), что советская наука и высшая школа решали две главные задачи: задачу разработки военных технологий и задачу идеологического обеспечения безраздельной власти коммунистической партии. Остановимся на первой задаче.

Вот как описывает цели создания Московского физико-технического института его бывший ректор: «Полвека назад наш институт был создан для решения форс-мажорных задач, стоявших перед страной. Нужно было быстро подготовить квалифицированных специалистов для разработки ядерного оружия, средств радиолокации, инфракрасной оптики, исследований физики и химии взрыва, термодинамики и аэродинамики больших скоростей» [3]. Нижегородский университет по праву гордится тем, что именно здесь были созданы первые в стране радиофизический факультет и факультет вычислительной математики и кибернетики. Известно, что и эти факультеты создавались для подготовки специалистов в области радиолокации и численного решения сложных физических задач, решаемых в НИИ оборонного комплекса.

Разумеется, не только «бомбой» занимались выпускники вузов. Надо что-то есть, во что-то одеваться, где-то жить и на чем-то ездить на работу. Однако всему этому придавалось второстепенное значение. Характерно, например, что жилищное строительство, а также другой так называемый соцкультбыт входили в себестоимость государственного военного заказа типа серии подводных лодок. В области образования это второстепенное отношение выражалось, в частности, в том, что вся подготовка специалистов была нацелена

на селекцию и добротное обучение десяти способных физиков (химиков, математиков и т.д.) для оборонного НИИ или КБ из ста принятых на курс. А остальные рассматривались, как «отвал породы», достойный только утюги проектировать. Вот и нет у нас, и никогда не было порядочного утюга, радиоприемника, телевизора, компьютера, чайника электрического, наконец. А бомба есть. С этим никто не спорит.

Еще более серьезная проблема, связанная с милитаризацией советского естественнонаучного и технического образования, заключается во внеэкономическом характере подготовки специалиста. Конечно, в первую очередь это диктовалось тоталитарным и милитаристским характером всей советской системы. Система централизованного планирования экономики и, соответственно, централизованного распределения выпускников вузов освобождала молодых специалистов от необходимости задумываться о том, кому и насколько полезны полученные в вузе знания. Однако несмотря на то, что централизованного распределения уже давно не существует, а российская экономика если еще и не стала полноценно рыночной, то уже точно не является централизованной, этот факт никак не нашел отражения в способе подготовки специалистов. Высшая школа продолжает готовить «олимпиадников», т.е. специалистов, умеющих решать головоломные задачи, которые кто-то поставил в чистом виде, в узкой профессиональной области. При этом вопрос о том, что будет дальше с результатом решения (так же как и то, зачем и кто поставил задачу) остается вне рамок интереса выпускника вуза. Решение вопросов коммерциализации исследований и разработок, трансфера технологий [4] не стало еще стержнем учебных планов.

Ситуация в гуманитарном образовании в целом является еще более сложной. Здесь речь идет о смене не только форм и приоритетов, но и концепции и содержания образования в целом [5]. Однако именно последний признаваемый всеми факт дал существенно больший, чем в естественнонаучной сфере, импульс для преобразований. Проблема создания нового гуманитарного образования решается при активном участии государства. Бурный рост новых государственных и негосударственных образовательных структур гуманитарного профиля, формирование нового научного и образовательного предмета, значительная зарубежная интеллектуальная и финансовая помощь приводят к созданию совершенно нового облика системы российского гуманитарного образования. Главная проблема в этой сфере на данном этапе — отсутствие достаточного числа квалифицированных научных и преподавательских кадров нового типа.

В целом сложившуюся ситуацию на рынке выпускников вузов коротко можно охарактеризовать следующим образом. Во всю мощь продолжает работать старая машина естественнонаучного и технического образования. На рынок труда ежегодно выбрасываются тысячи никому не нужных и совершенно не приспособленных к работе по специальности в новых условиях специалистов. Будучи молодыми, высокообразованными в том смысле, что они имеют натренированные мозги, умеют учиться и не боятся трудных задач, эти выпускники находят себе место в банках, бизнесе, государственных структурах, т.е. работают не по специальности. Этот вопиющий факт бессмысленной деятельности упорно не хотят замечать люди, имеющие отношение к естественнонаучному образованию, так как большинство из них не хочет ничего менять в своей жизни, несмотря на низкий уровень оплаты их труда.

С другой стороны, набирающая обороты машина нового гуманитарного образования еще не способна удовлетворить рынок труда ни в количественном, ни, тем более, в качественном смысле.

Как отвечает на эту ситуацию, к счастью, реально существующий и отменно работающий (как экономический механизм) рынок образовательных услуг? Рыночный ответ состоит в массовом предложении услуг по переподготовке кадров. Обученные квалифицированными преподавателями (т.е. получившие главное в высшем образовании – культуру высшего образования) естественнонаучные и технические кадры получают необходимые знания в юриспруденции, экономике, менеджменте и т.п. Как говорится, все при деле. Одни учат чему-то ненужному, но учат квалифицированно. Другие дают полезные на практике знания, но не имеют многолетних академических традиций преподавания, культуры настоящей научной школы и других условий, без которых не может быть серьезного университетского образования.

Представляется, что такую ситуацию нельзя признать нормальной. Государство не должно выбрасывать деньги на подготовку специалистов с не требуемым рынком образованием, специалистов, которые потом будут тратить свои деньги, деньги фирмы, а часто и снова деньги государства на переподготовку. (Разумеется, здесь идет речь не о совершенно необходимом процессе повышения квалификации и получении дополнительных специальностей, а о ситуации, когда, например, выпускник физического факультета сразу же начинает работать специалистом по ценным бумагам в банке и поступает на экономический факультет.)

Представляется, что естественнонаучные и технические факультеты, так же, как это делают сейчас гуманитарные факультеты, должны существенно пересмотреть не только формы и объемы, но

и содержание обучения. Кроме того, должен быть признан нормальным процесс коммерциализации образования [6], который происходит в настоящее время во всем мире. Например, в 1999/2000 учебном году в британской системе образования произошло знаковое событие. Все высшее образование стало, по крайней мере частично, платным, а студенты перестали получать гранты на содержание во время обучения (так называемые «maintenance grant» заменены теперь на беспроцентный заем).

Понятно, что революционное решение всех проблем одним махом губительно. Каждая из проблем требует серьезного обсуждения. В данной статье мы попытаемся рассмотреть одну из них: каким образом, сокращая подготовку, условно говоря, «физиков», не растерять значительный образовательно-культурный задел, накопленный в вузах, как передать образовательную культуру, накопленную в естественнонаучных и технических образовательных подразделениях, в новые гуманитарные структуры.

Внутриуниверситетская интеграция и «горизонтальные» учебно-научные структуры

Процессы внутривузовской интеграции в той или иной мере уже идут. Когда в технических вузах (с понятной целью заработать деньги) открывают гуманитарные факультеты, то это неизбежно приводит к попытке проинтегрировать интеллектуальный потенциал вуза. Однако реального «слияния культуры физиков и лириков» при таком прямом подходе не происходит. Применяемый на практике метод «гуманизации» технических вузов, как правило, заключается в открытии нового экономического или юридического факультета, штат которого формируется из преподавателей старых общеинститутских общественных кафедр и привлекаемых со стороны специалистов и преподавателей. Все это хорошо, но интеллектуальный потенциал естественнонаучных и технических факультетов, в основном, если и задействуется, то только в административном плане (что, кстати, тоже немало).

В Нижегородском университете, имеющем глубокие новаторские традиции, истинно университетский широкий спектр научно-педагогических школ, разработан и реализован новый уникальный подход к решению указанной проблемы [7, 8].

Суть его состоит в объединении научно-преподавательских сил различных специальностей и создании для этих целей нетрадиционного по способу формирования научно-педагогического состава факультета, решающего новые научно-образовательные задачи, выдвигаемые переходом к демократическому устройству российского общества и рыночной экономике.

Интеллектуальная конверсия

Около десяти лет назад, во время стажировки в Датском техническом университете, на автора данной статьи сильное впечатление произвел объект исследований одной из университетских лабораторий компьютерных методов обработки изображений. Лаборатория занималась внешним обликом пивной банки «Carlsberg». Очень трудно было смириться с «несерьезностью» объекта. У нас, тогда в Советском Союзе, настоящий серьезный ученый мог заниматься только чем-то, связанным с обороной, ну или, на худой конец, доказывать теорему Ферма или искать связь с неземными цивилизациями. Но главным, конечно, признавалась оборона. Защита диссертации в закрытом диссертационном совете признавалась весьма престижной. Академия наук СССР фактически представляла собой клуб директоров и конструкторов оборонных НИИ и КБ.

Понятно, что в рыночной экономике весомость заказа на исследования измеряется не романтическими или идеологическими представлениями о его полезности для человечества, а его стоимостью (а в нашей нынешней переходной экономике еще и реальной платежеспособностью заказчика). Конечно, сейчас многие российские ученые мечтали бы получить заказ от фирмы Carlsberg. Однако добиться такого заказа, правильно оформить договор, уметь сотрудничать с иностранным партнером – это совсем другая работа, чем выполнять хоздоговор с оборонным НИИ по советским законам. Для этого требуется серьезная «конверсия» интеллекта ученых, сформировавшихся в советский период.

В Нижегородском университете уже длительное время занимаются проблемой организации научных исследований в условиях рыночных отношений. Одним из результатов стало создание в 1996 году кафедры трансфера технологий и предпринимательства в научно-технической сфере. В данной статье мы не ставим задачу рассказать об инновационной деятельности самой кафедры, заключающейся в создании новых образовательных программ и научных исследований в области трансфера технологий, а также об ее обширной деятельности в области международного научно-технологического сотрудничества. Здесь мы остановимся на инновационных принципах создания кафедры, нетрадиционной для предыдущего периода развития вузовской системы образования.

Было принято решение не брать за основу творческого коллектива кафедры трансфера технологий какое-нибудь существующее подразделение (например, кафедру общественных или экономических наук с «неактуальным» названием). Ввиду междисциплинарного характера исследований и образовательной программы было приня-

то решение осуществить «горизонтальную» интеграцию творческого потенциала ряда факультетов университета: вычислительной математики и кибернетики, факультета управления и предпринимательства, физического, экономического, финансового, юридического факультетов. Творческий коллектив кафедры, не порывая связи со своими «родными» подразделениями, ведет совместную научную и образовательную деятельность. Возникающий при таком подходе синергетический эффект позволяет находить решения ранее не встречавшихся задач. Кафедра имеет в своем составе лабораторию, выполняющую функции контактной точки Европейской комиссии (научно-технологические программы), и филиал в Нижегородском центре инкубации наукоемких технологий.

Приведем другой пример реализованной в ННГУ внутриуниверситетской горизонтальной интеграции в научной и образовательной деятельности. Одна из распространенных специальностей в странах с развитой рыночной экономикой – это специальность системного аналитика. Системный аналитик – это эксперт, который, используя научные методы, вырабатывает рекомендации для лиц, принимающих решения в политике, экономике, и, говоря в целом, для лиц, управляющих сложными социально-экономическими системами. Научный аппарат, используемый системными аналитиками, – это различные методы математического моделирования (в частности, исследование операций) и, разумеется, их компьютерное воплощение, т.е. соответствующие информационные технологии. Вместе с тем очевидно, что кроме владения математическим аппаратом или, более точно говоря, информационными технологиями принятия решений системный аналитик должен достаточно глубоко знать экономические основы управления и другие аспекты предметной области.

Подготовка таких специалистов, комплексные научные исследования в этой области требуют привлечения преподавателей и ученых разного профиля, традиционно работающих на разных факультетах университета. В Нижегородском университете было принято решение о создании на правах кафедры Центра подготовки управленческих кадров высшей квалификации. Создание этого учебно-научного подразделения стало результатом проекта Всемирного банка реконструкции и развития, право на выполнение которого было получено университетом на конкурсной основе. В проекте под названием «Развитие системы подготовки кадров высшей квалификации для финансовой и управленческой деятельности на основе использования новых информационных технологий» приняли участие преподаватели факультета вычислительной математики и кибернетики, механико-математического факультета, факультета управления и предприни-

математического факультета, ранее занимавшиеся совершенно другой прикладной областью. Механико-математический факультет уже длительное время развивает программу «Математические методы в экономике» и в настоящее время в продолжение этой работы подписал финансово крупный контракт с Национальным фондом подготовки кадров на выполнение нового проекта Всемирного банка по аналогичной тематике.

Указанные подразделения, являющиеся примером создания «горизонтальных» структур внутри университета для решения инновационных задач, входят в состав факультета управления и предпринимательства, который в целом представляет собой нетрадиционную организационную структуру. Об этом – в следующем разделе.

Общеуниверситетский факультет

Как уже отмечалось, ситуация на рынке труда ставит перед вузами новые образовательные задачи. Одна из них носит, как хотелось бы надеяться, временный характер и связана с необходимостью массовой переподготовки лиц, «по инерции» получающих не требуемые рынком специальности. Другая задача также связана с переподготовкой, но носит объективный характер. Это задача дополнительной подготовки людей, уже занявших лидирующее положение на производстве и в структурах управления различного рода. Лидерские качества являются в первую очередь свойством человеческого характера и не связаны с базовым образованием. Поэтому среди лидеров всегда были и будут люди без профессионального управленческого образования. Однако после своего выдвижения они ощущают потребность в специальных знаниях и ищут на рынке образовательных услуг соответствующие предложения.

Остановимся на первой из перечисленных задач. Возникновение большого числа новых и расширение ряда старых управленческих, правовых, социальных, финансовых и других структур вызвало огромную потребность в соответствующих кадрах, которую не может удовлетворить существующая система, так сказать, «первого» профессионального образования (как высшего, так и среднего). В то же время продолжает работать старая система подготовки научно-технических работников, которая выпускает кадры, исходя из задач советской модели народного хозяйства. В связи с этим возникает задача массовой переподготовки кадров по актуальным специальностям, причем по ускоренным, сокращенным программам и с выда-

чей дипломов о высшем и среднем профессиональном образовании. Сложность высококачественного решения этой задачи связана с рядом аспектов. Например, требуется найти оптимальное сочетание сроков обучения и набора (и объема) читаемых дисциплин. Здесь одним из параметров, который приходится учитывать, является опыт работы студента в своей профессиональной сфере. Другой очень важный аспект связан с необходимостью по-разному расставлять акценты в учебном плане в связи со спецификой заказа на подготовку. Например, группе сотрудников налоговой полиции, обучающейся по специальности «Бухгалтерский учет и аудит», требуется значительно расширить правовой блок подготовки. Еще одна проблема связана с долгосрочностью получения образования и возможными изменениями жизненных обстоятельств студентов, включая финансовый фактор. Это заставляет предлагать гибкие формы обучения с возможностью перерывов в обучении и даже смены специальности. Указанные, а также другие подобные проблемы необходимо решать комплексно по отношению ни к какой-нибудь одной, а к целому ряду наиболее актуальных на данном этапе специальностей.

Решая данную задачу, Нижегородский университет выбрал нетрадиционный подход. Был создан новый факультет (получивший название «факультет управления и предпринимательства») как «площадка» для интеграции усилий наиболее активных, творчески настроенных преподавательских сил всего университета. С самого начала было решено не форсировать формирование собственного кадрового состава факультета, а опираться на уже существующий кадровый потенциал университета. Таким образом, можно говорить об уникальном «общеуниверситетском» факультете. В настоящий момент в его работе принимают участие профессора, доценты и преподаватели юридического, финансового, экономического, физического, механико-математического факультетов, факультета социальных наук, факультета вычислительной математики и кибернетики. За пять лет работы число студентов факультета управления и предпринимательства достигло 2000 человек. Заметим, что при традиционном подходе для обеспечения работы такого факультета потребовалось бы более двухсот штатных преподавателей. Факультет ведет подготовку по пяти специальностям высшего профессионального образования: юриспруденция, финансы и кредит, бухгалтерский учет и аудит, экономика и управление на предприятии, менеджмент в социальной сфере, а также по двум специальностям среднего профессионального образования: правоохранительная деятельность и финансы. Кроме того, на факультете имеется магистратура по направлению «Менеджмент». Факультет предлагает целый ряд форм ускоренной подготовки: с высшего на высшее образование, с про-

фильного среднего профессионального на высшее образование, с общего среднего на среднее профессиональное образование, а также переподготовку со среднего профессионального на среднее профессиональное образование по другой специальности.

На факультете управления и предпринимательства решается задача подготовки управленческих кадров высшей квалификации. На базе уже упомянутого выше проекта Всемирного банка «Развитие системы подготовки кадров высшей квалификации для финансовой и управленческой деятельности на основе использования новых информационных технологий» в содружестве с рядом факультетов университета реализована программа магистратуры по направлению «Менеджмент». Программа получила название «Лидеры производства». Данная программа является еще одним примером научной и педагогической интеграции. В программу включены расширенные блоки подготовки в области права, информационных технологий и технологического менеджмента.

Инновационная деятельность университета по созданию факультета управления и предпринимательства отмечена Премией г. Нижнего Новгорода в области науки и высшей школы за разработку и внедрение новой концепции переподготовки кадров в условиях радикальных социально-экономических реформ.

Выводы

Образовательная система советского типа не может решать задачи современного российского общества и государства. Требуется ее существенная реформа, в том числе реформа структуры и содержания естественнонаучного и технического образования. При этом существуют подходы, позволяющие в значительной степени разрешить неизбежные проблемы вузов и преподавателей естественнонаучных и технических специальностей, связанные с сокращением объемов потребности рынка в целом ряде специалистов, и одновременно сделать дополнительный шаг к улучшению подготовки кадров гуманитарных специальностей. Этот подход заключается в «горизонтальной» внутриуниверситетской интеграции и «интеллектуальной конверсии» кадров. Работа в этом направлении уже в течение ряда лет проводится в Нижегородском университете и привела к значительным положительным результатам как в учебной и научной сфере, так и по финансовым показателям.

Список литературы

1. Ичбиа Д., Кнеппер С. Билл Гейтс и сотворение Microsoft. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1997. 348 с.

2. Юревич А.В. Наука и рынок // Социологические исследования. № 1. 1999. С. 29–38.
3. Карлов Н. Ученые-челноки в опустевших лабораториях // Российские вести. № 75. 1996. С. 8.
4. Грудзинский А.О. Внедрение технологий как профессия // «Коммерциализация технологий: российский и мировой опыт». М.: АНХ при Правительстве РФ, 1997. С. 247–258.
5. Стронгин Р.Г. Опыт реформы структуры и содержания университетского образования // Образование и наука на пороге третьего тысячелетия. Новосибирск: Издательство ИАЭ СО РАН, 1995. С. 91–92.
6. Грудзинский А.О. О коммерциализации научных исследований и высшего профессионального образования // Вестник Российского университета дружбы народов. 1999. № 4 (1–2). С. 78–82.
7. Стронгин Р.Г. Высшее образование: проблемы и пути (размышления на тему) // Педагогическое обозрение. 1994. № 3. С. 3–13.
8. Стронгин Р.Г. О новой «модели университета» (опыт ННГУ) // Зальцбургский семинар. Проект Университеты. Симпозиум-2 «Перспективы автономии: Академические системы, цели и социальная ответственность» (6–12 июля 1997 г.) Доклады и обзоры. С. 65–66.